

Максим Горький

Анекдот

Максим Горький

Анекдот

«Public Domain»

1924

Горький М.

Анекдот / М. Горький — «Public Domain», 1924

«Когда рыжий, носатый доктор, ощупав холодными пальцами тело Егора Быкова, сказал, неоспоримым басом, что болезнь запущена, опасна, – Быков почувствовал себя так же обиженно, как в юности, рекрутом и, в год турецкой войны, под Ени-Загрой, среди колючих кустов, где он валялся с перебитой ногою, чёрный ночной дождь размачивал его, боль, не торопясь, отдирала тело с костей...»

Максим Горький

Анекдот

Когда рыжий, носатый доктор, ощупав холодными пальцами тело Егора Быкова, сказал, неоспоримым басом, что болезнь запущена, опасна, – Быков почувствовал себя так же обиженно, как в юности, рекрутом и, в год турецкой войны, под Ени-Загрой, среди колючих кустов, где он валялся с перебитой ногою, чёрный ночной дождь размачивал его, боль, не торопясь, отдирала тело с костей.

– Чего же это? Умру, что ли?

Доктор, сидя у стола, собирался писать, пробовал ржавое перо и говорил что-то непонятное, но огорчённый Быков не слушал его, глядя в окно, – по улице ветер гнал перья, стружки, пыль.

– Пили вы много...

Мысленно обругав доктора, больной возразил:

– Это – не причина, мало ли людей пьёт, однакож не все помирают раньше время!

Разум сердито внушал:

«Вон – курица; курица будет жить, нанесёт яиц, высидит цыплят, а ты – помрёшь! И все труды тяжёлых дней твоих пропадут зря».

Молча проводив доктора до двери, Быков, в туфлях на босу ногу, в нижнем белье и сером халате, взглянул в зеркало, там необыкновенно чётко отразилось узкое, костлявое лицо, угрюмо освещённое зеленоватыми глазами, со щёк и подбородка опускались на грудь прямые волосы длинной бороды. Нехорошее лицо.

Быков вздохнул, простонал тихонько и сел у окна в кожаное кресло, посапывая носом, чувствуя, как в правом боку шевелится болезнь, неутомимо просверливая печень, наполняя всё тело пьяной слабостью и горечью обиды.

– Пил много! А ты чем себя утешаешь, дурак? – спросил он доктора, глядя, как тот влезает в пролётку извозчика.

– Самовар подавать?

Толстая, глупая баба, кухарка Агафья, стояла в двери.

– Сколько раз говорил я тебе, красная рожа, не ставь кресло у окна, на солнце! Гляди, как оно выгорело. Что ж, по-твоему, солнце светит для порчи мебели?

– Да вы сами его передвинули, – безобидно отозвалась Агафья.

Быков вспомнил, как больно было ему передвигать тяжёлое кресло, и это, вместе с безобидностью бабы, ещё сильнее озлило его.

– Иди к чертям!

Агафья исчезла. Быков поглядел вслед ей, думая: «Эта будет жить ещё лет сорок, а мне – умирать! Как же имущество? Вот – жениться не успел, дела обуяли. Надо было жениться тотчас после войны, теперь дети были бы. Осторожность помешала. И лечиться опоздал. Как знать, что мне дана короткая жизнь?»

И, опустив голову, он, вслух, пожаловался:

– Эх ты, господи, господи...

Всего глупее и досаднее всего было то, что некому передать имущество, накопленное двадцатилетней тратой сил и хитростью ума. Отдать в монастырь или на какое-нибудь иное божье дело? Разум не соглашался на это. Быков хорошо знал, что попы, монахи и другие люди, заведующие земным имуществом бога, – ненадёжны, все они такие же тёмные грешники, как сам он. Да и с богом – неладно; Быков относился к нему осторожно, недоверчиво, всегда чувствуя, что бог хорошо знает все его дела и помыслы, следит за ним зорко, и никто иной, как именно бог, неоднократно мешал ему, спорил против его, необходимой для жизни, челове-

ской жадности. Бывало так, что вот уже всё налажено, готово, а вдруг в душе, точно спичка загоралась, трепетал маленький огонёк, будил какие-то серые, облачные мысли, будил боязнь греха, наказания, иногда вызывал даже что-то похожее на чувство жалости к людям, которых Быкову удавалось обойти и прижать.

Он хорошо понимал, что ведь не чёрт шутит, а именно бог играет с ним, заставляя его, против разума, уступать людям, и, насмешливо обижаясь, он говорил нахлебнику и наперснику своему, Кикину, горбатому, робкому человеку с птичьими глазами:

– Почему же это моя обязанность жалеть людей? Меня не жалели. Меня добром никто не угощал.

– Глупости, конечно, – соглашался Кикин.

Вспомнив о нём, Егор Быков взял палку, ручку от половой щётки, постучал ею в потолок, и через две-три минуты в дверь бесшумно вернулся маленький горбун; ноги у него были кривые, заплетались, и он ввёртывался в воздух винтом, как штопор.

– Ну, как? – спросил он, робко мигая глазами больной курицы.

– Умирать, слышь, надобно мне.

Кикин провёл ладонью по безбородому, жёлтому лицу.

– Может – врёт?

– Нет. Сам знаю.

– Так. Рано.

– То-то и есть! Да – ладно; умирать, так умирать, от этого не откажешься. Я – солдат. А вот с имуществом что делать?

Наливая чай, шаркая ногами по полу, горбун сказал, вздохнув:

– По закону – имущество переходит племяннику, Якову Сомову.

– Да – он мне троюродный! – возмущённо захрипел Быков, и возмущение усилило боль в боку. – Я и не знаю, каков он, и видел его не более пяти раз.

– Однако по закону...

– Закон! – Быков, щёлкнув зубами, крепко выругался.

– Тогда – обратиться на дела благотворения, – неохотно посоветовал Кикин.

– Ну, нет; я зерно моё на камнях не посею!

– Это, конечно, не забава.

Подумав, сердито поговорив ещё немного, Быков поручил горбуну завтра же позвать племянника в гости.

– Погляжу, что за зверь.

Яков Сомов пришёл вечером, почтительно поклонился и, не протягивая руки, сказал:

– Здравствуйте!

Голос у него был не громок, но звучен и высок, слово прозвучало осмысленно; было ясно, что это не пустое слово, а наполнено доброжеланием. Невысокий ростом, был он строен, на его обветренном лице мягко и спокойно светились голубоватые глаза, над левым ухом упрямо торчал казацкий вихор русых волос, под крупным носом курчавились светлые усики. Было в нём что-то крепкое, чистое, привлекательное; Быков тотчас отметил это, но по привычке относясь к людям недоверчиво, сказал себе:

«Лицо – глупое. И, должно быть, бабник».

Внимательно присматриваясь к парню, бедно одетому в синюю рубаху, парусиновый пиджак и такие же брюки, заправленные за голенища сапог, всхрапывая от боли, Быков деловито выспросил племянника – кто он? Оказалось, что Якову девятнадцать лет, он приказчик в торговле лесным материалом, поёт в церковном хоре первым тенором, любит удить рыбу и читать книги. Слушая его спокойный рассказ, Быков неприязненно думал:

«Говорит, как на исповеди. Врёт поди-ка. Догадался, зачем позван, притворяется хорошим».

И вдруг, против воли, он поторопился, сказал, скривив тёмное лицо своё усмешкой:
– А я вот умираю.

Он услышал в ответ:

– Ну, зачем же?

– Как это – зачем? – удивлённо и сердито спросил Быков: – Болезнь у меня!

И решительно сказал себе: «Парень этот – глуп!»

Но Яков Сомов заговорил с незнакомой, ласковой убедительностью:

– Против всякой болезни имеются средства, например: морковный сок. Год тому назад у меня чахотка начиналась, так мать регента, очень добрая, умная старушка, указала мне морковный сок по стакану утром, натошак. И всё прошло.

Хорошо улыбаясь, Сомов провёл рукою по шее, по груди, а Быков почувствовал, что спокойные слова племянника как будто гасят боль.

– То – чахотка, а у меня – другое.

– И чахотка – болезнь. Нет, вы обязательно попробуйте морковный сок или хрен, настоящий на спирте. Хрен действует ещё лучше, – в нём есть селитра, а селитра первое средство против гниения; рыбу солят – селитру добавляют в рассол, чтоб не гнила. А всякая болезнь – гниение...

Удивительно приятно говорил Яков Сомов, слова его катились одно за другим легко, точно песчинки, и хоронили недоверие Быкова к молодости племянника.

– Откуда ты знаешь это?

Охотно, как старому другу, Яков рассказал ему историю своего знакомства с одним образованным человеком и отличным рыболовом, который, осенью прошлого года, застрелился.

– Зачем же?

– По случаю неудачливой любви...

– Н-ну, стреляться – глупость!

– Прямолинеен был.

– Чего это?

– Он был прям в чувствах своих...

– Угу, – сказал Быков, думая: «Чудной парень. Болтлив. Молодость, конечно...»

Так, в лёгкой беседе, прошло ещё немало времени, а потом Сомов, взглянув на ленивые стрелки стенных часов, сказал, что ему пора на спевку, почтительно простился и ушёл.

Егор Быков прилёг на диван, задумался. Долгие разговоры с людьми всегда утомляли его, – о чём говорить? Сразу видно, чего хочет человек от тебя, и всегда знаешь, что тебе нужно от человека. А этот – особенный, хотя и мальчишка. Скромн, в родню не лезет, дядей не назвал ни разу, а, наверное, знает, что дядя-то одинок. Может быть – хитрит? Не похоже.

Пришёл из склада, где принимал пеньку, усталый, потный Кикин, сел к столу.

– Был?

– Был.

– Ну, как?

– Разве сразу отгадаешь? Однако – заметна в нём дружелюбность.

Наливая чай, Кикин голодно, жадно жевал хлеб с колбасой и внимательно слушал раздумчивую речь хозяина.

– Любит утешать. Утешители – обманщики, я им не верю. Дружелюбие тоже не качество для меня. Люди навыкли жить так, как бы господь пустил их для осмеяния друг другу.

– Это – правильно! – подтвердил горбун, всю жизнь свою безжалостно осмеиваемый за уродство.

– То-то и есть! А чёрт сраживает нас, как бойцовых петухов. Людям – грех, чёрту – смех, – божие намерение никому не ведомо. Господь, как полицеймейстер в театре, смотрит, помалкивает...

Быков долго говорил словами обиженного человека, потом, устало закрыв глаза, осведомился:

– Ты что слышал про него, про Якова?

Кикин, намазывая мёдом кусок хлеба, повернулся вместе со стулом, доложил:

– Хозяин его, Титов, говорит: парень трудолюбив, но иной раз обнаруживает фантазию.

– Чего это?

– Не умел Титов объяснить, а я понял так, что Яков склонен делать лишнее, чего не надо. Спрашивал и соборного дьякона; этот хвалит без оглядки, но, конечно, ему верить нельзя, приятель, вместе рыбу удят. Квартирная хозяйка показала, что пьёт Яков только в компании, а компания у него – серая, литейщики от Кононова, слесаря, цирюльник...

– Не с губернатором же ему дружбу водить.

– Баб к себе не водит, привержен к чистоте, порядку, добрый.

– Добрый?

– Да.

– Это – по молодости лет! Та-ак... Значит: известны ему твои расспросы и должен был он догадаться, зачем позван мной?

– Едва ли знает; я ведь осторожно.

Быков помолчал, подумал.

– Ну, что же делать? Видно – так надо. Ты всё-таки ещё разузнай о нём. Да скажи, чтоб он заходил ко мне, я, кажись, забыл позвать его.

И с угрюмой досадой Быков воскликнул:

– Нет, ты подумай, – каково это мне? Работал, работал, сколько греха на душу принял, а – для кого? Для чужого человека, молокососа, а?

– Плохой анекдот, – уверенно сказал робкий горбун, мигая круглыми глазами.

Болезнь как будто ожидала разрешающего слова доктора, после визита его она заторопилась, рвущая боль в боку стала сильнее, мутила разум, и Быкову казалось, что в каждой точке тела его неустанно работают, шевелятся червячки тоски и обиды.

– Как дела? – осведомлялся Кикин.

Быков сердито хрипел:

– Трудно, первый раз умиряю, навыка нет.

Он любил шутки и умел шутить; это умение очень помогало ему в те минуты, когда люди, обиженные им, упрекали и ругали его.

– Так бог велел, чтоб я тебя одолел, – говорил он тому или иному человеку.

Но теперь шутки не удавались, и лишь по привычке он, как всегда, высмеивал Кикина, уже недоступного насмешкам. Целые дни Быков лежал на диване, головой в угол, под образа, чувствуя, как голова его беднеет мыслями, пуста, как бубенчик, и бьётся, звенит в ней только одна дума:

«Умираю. За что?»

Иногда, чтоб заглушить вопрос этот, он вспоминал полузабытые слова молитв.

«Владыко господи, вседержителю... соблюди от всякого ада, от всякой лютости... от духов лукавых, дневных же и ночных...»

И чувствовал, что слова эти, не примиряя его с волею бога, – неизбежностью преждевременной смерти, – ещё более усиливают лютость обиды и тоски.

Вставал и, накинув на плечи серый, суконный халат, шёл мимо зеркала к синей, бездонной дыре окна, – зеркало отражало длинную фигуру арестанта, тёмное лицо с мутными глазами, включенную бороду. Взяв гребёнку с подзеркальника, он садился в кресло, расчёсывал волосы на голове, бороду и смотрел на улицу, на дома, разделённые густыми садами, построенные солидно, крепко, в расчёте на века.

На улице тихо, безлюдно, жарко. Хозяева разъехались по дачам, у ворот лентяйничают дворники. Очень тихо, только в садах хлопотливо щебечут птицы, не мешая думать о несправедливости бога. Ведь вот – дома эти, глубоко врытые фундаментами в землю, кирпичные человечьи гнёзда, будут стоять неисчислимое время, а человек, строитель домов, украшающий землю трудами рук своих, осуждён на смерть через краткий срок – за что? За что наказывается преждевременной смертью георгиевский кавалер и купец второй гильдии Егор Иванов Быков, человек, не доживший и до полусотни лет? Разве он грешнее других, и разве за грехи смерть человеку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.